

СУПЕРАГЕНТ ДРОНГО

ЛЕГЕНДА РОССИЙСКОЙ БОНДИАНЫ

Чингиз Абдуллаев

***ЖРЕБИЙ
РУБИКОНА***

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А13

Абдуллаев, Чингиз Акифович.

А13 Жребий Рубикона / Чингиз Абдуллаев. — Москва : Эксмо, 2025. — 320 с. — (Суперагент Дронго. Легенда российской бондианы).

ISBN 978-5-04-210586-9

В Москве в расцвете сил умирает академик Николай Долгонос, директор одного из крупнейших научно-исследовательских институтов. Врачи констатируют обширный инфаркт, но сестра покойного Раиса не верит заключению врачей. Она считает, что брата убили из-за наследства и убийца – Далвида, молодая жена академика. Раиса обращается за помощью к известному частному сыщику Дронго. Тот берется за расследование, понимая, что врачи, скорее всего, правы и смерть академика каким-либо образом не связана с криминалом. Но вскоре его отношение к делу меняется: при загадочных обстоятельствах погибает близкий знакомый Долгоносова, и профессиональное чутье подсказывает Дронго, что это не простое совпадение...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Абдуллаев Ч.А., 2021
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2025

ISBN 978-5-04-210586-9

Задушите вашу совесть — это самый большой враг любого, кто хочет быстро добиться успеха в жизни.

Оноре Мирабо

Когда он приблизился к речке под названием Рубикон, которая отделяет Предальпийскую Галлию от собственно Италии, его охватило глубокое раздумье при мысли о наступающей минуте, и он заколебался перед величием своего дерзания. Остановив повозку, он вновь долгое время молча обдумывал со всех сторон свой замысел, принимая то одно, то другое решение...

Наконец, как бы отбросив размышления и отважно устремляясь навстречу будущему, он произнес слова, обычные для людей, вступающих в отважное предприятие, исход которого сомнителен: «Пусть будет брошен жребий», — и двинулся к переходу.

*Плутарх,
«Избранные жизнеописания. Цезарь»*

Глава 1

Они продолжали играть в шахматы. И как обычно, Эдгар Вейдеманис его побеждал. Дронго сопротивлялся изо всех сил, но давление белых было слишком явным, и стало понятно, что черные не смогут долго держаться.

— Потрясающая способность играть до конца, — сказал Вейдеманис, — ты никогда не сдаешься, даже когда результат очевиден.

— Пытаюсь держаться, — согласился Дронго, — ты все-таки не гроссмейстер и можешь ошибиться.

— Уже нет, — возразил Эдгар, — здесь все понятно. Я постараюсь тебя дожать. Мне нравится, когда я тебя обыгрываю. С твоим аналитическим мышлением. Я сам удивляюсь своим победам.

— Мое мышление годится для распутывания сложных криминальных задач, и оно

отличается от аналитических способностей шахматиста, — задумчиво произнес Дронго. — Иначе самыми великими сыщиками были бы Фишер или Каспаров.

— Возможно, — согласился Вейдеманис, — тебе шах, и ты можешь сделать единственный ход, чтобы спасти своего короля. А через три хода получишь гарантированный мат.

Дронго минуту анализировал позицию. Затем в знак согласия кивнул.

— Дожал, — сказал он, — победил. Признаю свое поражение.

— Уже неплохо, — пробормотал Эдгар, — обычно ты играешь до последнего хода.

Они поднялись и прошли на кухню. Вейдеманис приготовил себе кофе, Дронго налил себе чай. Они сидели на небольшой кухне у Эдгара, где обычно устраивали своеобразные посиделки с обменами мнений по конкретным вопросам. Оба были высокого роста. Лысоватый брюнет Дронго и шатен Вейдеманис с роскошной копной волос были совсем не похожи друг на друга. Но у обоих было нечто схожее — внимательные, умные глаза всепонимающих и мыслящих людей. Выражение глаз, которое невозможно изменить или подделать. Только у Дронго были глаза волка, а у Вейдеманиса — рыси.

— Нам уже два раза звонил Леонид Кружков, — напомнил Эдгар.

Их небольшой офис находился на проспекте Мира, где обычно работали Леонид Кружков и его супруга, которые принимали посетителей, отправляли нужные факсы и документы, читали приходившие письма. Иногда там появлялся Эдгар Вейдеманис, еще реже и сам Дронго.

— Опять звонила эта дама, — догадался Дронго.

— Да, — кивнул Эдгар, — Раиса Тихоновна Долгоносова. Просит о встрече. Настаивает, говорит, что у нее очень важное дело.

— Она звонила две недели назад, когда я улетал в Хельсинки, — вспомнил Дронго.

— И тогда просила о срочной встрече. И сейчас два дня подряд звонит и просит встречи с тобой.

— Видимо, дело не очень срочное, если она звонила две недели назад и за это время не нашла никого, с кем можно было переговорить.

— А может, она не хочет обращаться к другим людям, — заметил Вейдеманис, — и ей нужен именно ты.

— Ты становишься подхалимом. Мог бы иногда и поддаваться в шахматы, чтобы быть более органичным, — пошутил Дронго.

— И тем не менее она хочет встретиться именно с тобой, — напомнил Эдгар. — Или ты не хочешь с ней встречаться?

— Раз она так настойчиво звонит, значит, у нее действительно важное дело, — вздохнул Дронго. — Ладно, давай ей позвоним и назначим встречу. Только пусть она приедет к тебе домой. А то моя квартира уже постепенно превращается в проходной двор.

— У тебя две одинаковые квартиры в Москве и в Баку, — рассмеялся Вейдеманис, — и каждый раз, когда я попадаю в какую-нибудь из них, я чувствую, что схожу с ума, настолько они похожи. Но я отлично понимаю, что ты сделал это намеренно. Но ты прав. Необязательно принимать всех гостей у себя дома. Я перезвоню Кружкову, пусть Долгоносова мне позвонит. Постараюсь понять, какое у нее важное дело.

Он достал телефон и стал звонить Кружкову, чтобы он дал номер его мобильного Раисе Тихоновне и она перезвонила на его телефон. Подключил к мобильнику провод с наушниками, чтобы Дронго мог слышать их разговор.

Ждать пришлось недолго. Она перезвонила ровно через минуту.

— Я вас слушаю, — сказал Вейдеманис, отвечая на ее звонок.

— Вас беспокоит Раиса Тихоновна Долгоносова, — услышал он взволнованный голос женщины, — мне срочно нужен господин Дронго. Если вы разрешите так вас называть.

— Я не Дронго, — ответил Эдгар, — я всего лишь его помощник. Я могу узнать, какое у вас к нему дело?

— Очень важное и срочное, — пояснила женщина, — мне нужен именно такой человек.

— Вы можете объяснить — почему?

— Полагаю, что смогу. Дело в том, что я сестра недавно умершего академика Николая Тихоновича Долгоносова. И мне нужно срочно встретиться с господином экспертом.

— По какому вопросу?

— По вопросу смерти моего брата, — объявила Раиса Тихоновна.

— Что с ним случилось?

— Он умер. Все так считают. Но я абсолютно уверена, что его убили. И именно по этому поводу хотела встретиться с господином Дронго.

— Вы говорили об этом в прокуратуре?

— Да. Но там не хотят меня слушать. Я всего лишь его сестра, а не супруга, которая категорически настаивает на его естественной смерти.

Вейдеманис взглянул на Дронго. Тот кивнул.

— Хорошо, — сказал Эдгар, — когда вы можете приехать?

— Когда угодно. Хоть сейчас.

— Тогда запишите мой адрес. Я живу на Чистопрудном бульваре, — объяснил Вейдеманис и продиктовал адрес. — Господин эксперт может принять вас у меня в квартире.

— Это удобно?

— Думаю, что да.

— Могу приехать через полчаса. Вас устроит?

Вейдеманис снова посмотрел на Дронго. И тот опять кивнул.

— Устроит, — подтвердил Эдгар. — Когда подъедете, позвоните, и я продиктую вам номер шифра для замка в подъезде.

Он отключил связь. Взглянул на Дронго, ожидая его объяснений.

— Судя по голосу, ей лет шестьдесят, — сказал Дронго, — говорит четко, чувствуются интеллект, высшее образование, умение концентрироваться и мыслить. Видимо, дело очень неприятное и крайне важное для нее, если она столько времени пытается выйти именно на меня. И судя по тому, что она доберется до нас за тридцать минут, она живет где-то рядом.

Иначе с учетом московских пробок она добиралась бы к нам несколько часов. Давай посмотрим в Интернете, что у нас есть по этому академику Долгоносову.

Вейдеманис принес свой ноутбук и начал поиски сведений об умершем ученом. И уже через несколько минут они знали, что Николай Тихонович Долгоносов работал директором московского института, занимающегося проблемами технических разработок для гидростанций. Он умер четыре месяца назад в возрасте пятидесяти шести лет. В биографии отмечалось, что умер скоропостижно, от обширного инфаркта. Отмечалось, что он был спортсменом, в молодости занимался легкой атлетикой, альпинизмом. Дважды совершал восхождение на Эльбрус. Сестра назвала его академиком, но он был членом-корреспондентом Российской академии наук и после отставки академика Старжинского последние шесть лет возглавлял институт. Сам Старжинский, выйдя на пенсию, в возрасте восьмидесяти трех лет остался работать в учреждении консультантом Долгоносова. Он был два раза женат и имел дочь, которой исполнилось двадцать восемь лет. Она жила в Лондоне еще со студенческой поры. Осталась там и вышла замуж за гражданина Великобритании.

— Ничего особенного, — разочарованно произнес Вейдеманис, дочитав вместе с Дронго информацию об умершем директоре. — Может, институт был какой-то засекреченный?

— Не похоже, — сказал Дронго, — обычное оборудование для гидростанций. Обрати внимание, что ушедший на пенсию Старжинский, несмотря на свой преклонный возраст, остался работать в институте консультантом. Значит, у Долгоносова не конфликтный, коммуникабельный характер.

— Похоже, — согласился Эдгар, — и возможно, его сестре не понравилась внезапная смерть брата от обширного инфаркта. У спортсменов такое иногда случается. Особенно после пятидесяти. Они продолжают считать себя молодыми живчиками и надрываются. Может, он по-прежнему пытался заниматься спортом, своим альпинизмом или еще чем-нибудь и поэтому умер.

— Два раза женат, — напомнил Дронго, — интересно, когда он женился во второй раз?

— Думаешь, его довела молодая супруга? — рассмеялся Эдгар.

— Пока ничего не думаю. Но интересно узнать, когда он женился во второй раз. И вообще, зачем нас так настойчиво ищет его сестра?

Минут через двадцать позвонила Раиса Тихоновна, и еще через две минуты она уже звонила в дверь квартиры Вейдеманиса. Вошедшей женщине было действительно около шестидесяти. Тщательно уложенные волосы, неплохой макияж, было очевидно, что она следила за своей внешностью. Хороший маникюр, элегантное серое платье, несколько кокетливый шарф, правильные черты лица, большие карие глаза. Дронго вежливо поздоровался. Он не любил протягивать руку женщинам, убежденный в том, что руки знакомым дамам нужно целовать при встрече, а не пожимать в дружеских рукопожатиях.

— Меня обычно называют Дронго, — сказал он женщине.

— Я знаю, — кивнула она, — мне вас описывали.

Раиса Тихоновна прошла в небольшую гостиную и устроилась за столом. Напротив сели Дронго и Вейдеманис.

— Это мой друг и напарник Эдгар Вейдеманис, — представил хозяина квартиры Дронго, — у меня не бывает от него секретов. И в его присутствии вы можете все говорить.

— Примерно как Шерлок Холмс и доктор Ватсон, — улыбнулась женщина, — не удивляйтесь. Я филолог по образованию, работаю

в педагогическом вузе, заведующая кафедрой. Специалист по английской литературе.

— Очень приятно, — отозвался Дронго. — Очевидно, вас привело сюда какое-то конкретное событие?

— Конечно. И я рассчитываю на вашу помощь.

— Что именно произошло?

— У меня убили брата, — пояснила Раиса Тихоновна, — и я убеждена, что его именно убили. Хотя в прокуратуре считают, что он умер от обычного инфаркта. Но я прекрасно знаю, что мой брат никогда не болел, был очень крепким человеком и не жаловался на сердце. В молодости занимался легкой атлетикой, был почти профессиональным альпинистом.

— Иногда умирают и крепкие люди, — сказал Дронго, — к сожалению, такой конец неизбежен для каждого из живущих. Я понимаю, что этими словами не смогу утешить вас, но почему вы считаете, что его убили? Только потому, что он был спортсменом и не мог неожиданно умереть?

— Не только поэтому, — призналась она.

— Тогда почему? Только сначала ответьте мне на самый главный вопрос. Вскрытие тела проводилось?

— Нет. Конечно, нет. И поэтому я так возмущаюсь.

— Тогда давайте по порядку. Что с ним случилось? И почему вы считаете, что его убили?

— Он был физически очень крепким человеком, — повторила она.

— Простите. Это вы уже говорили...

— Да, разумеется. Дело в том... — Она замялась, словно не решаясь дальше говорить. Помедлила. И с некоторым усилием произнесла: — Дело в том, что мой брат был женат во второй раз. На молодой особе, которая моложе его больше чем на двадцать лет. У них разница с его дочерью всего лишь пять или шесть лет. Он развелся со своей супругой еще десять лет назад и два года назад женился на этой особе.

— Которая вам сразу не понравилась, — предположил Дронго.

— Которая мне не понравилась тогда и которая мне не нравится теперь еще больше, — призналась Раиса Тихоновна.

— Мужчины в его возрасте часто предпочитают молодых женщин. Это нормально.

— Она самая настоящая авантюристка, — с возмущением произнесла гостья, — можете себе представить, что на момент их знакомства она была замужем. Муж ее работал в этом ин-

ституте. Обычный кандидат наук. Они жили в трехкомнатной хрущевке вместе с маленьким сыном. И можете себе представить, что уже через год после знакомства этой особы с моим братом она переезжает жить к нему, в его пятикомнатную квартиру, и забирает туда своего сына. Пока она еще была замужем за другим человеком и формально оставалась его супругой. И только через некоторое время, после того, как она официально развелась, мой брат узаконил их отношения и даже усыновил ее мальчика. Вот такая неприятная история.

— Я не обижу вас, если скажу, что пока не вижу ничего неприятного? Таких случаев сколько угодно. И ответственные мужчины обычно не бросают детей своих жен от предыдущих браков, — возразил Дронго.

— Вы, видимо, меня не поняли. Она не просто ушла от мужа-неудачника, — сказала Раиса Тихоновна, — она ушла из трехкомнатной хрущевки к другому мужчине. Директору института, у которого большая квартира и финансовые возможности. Из рейсовых автобусов и метро она пересела в его персональную машину с водителем, который и сейчас обслуживает их семью. Она перевела сына из обычной школы, находившейся в пригороде, где они жили, в элитную московскую школу, за

которую тоже платил мой брат. Нужно было видеть, как она изменилась. Об этом говорили все в их институте. Дорвалась до денег. Она работала обычным методистом с зарплатой уборщицы; когда получила статус супруги без пяти минут академика — вообще бросила работу. Я понимаю, что кажусь несколько странной, возможно, даже не совсем корректной, но это правда, и мне особенно обидно за мою племянницу, его единственную дочь Алену.

— Почему? — спросил Вейдеманис.

— Когда умер мой брат, выяснилось, что по нашим российским законам все имущество, квартира, дача, две машины, деньги в банках принадлежат его супруге, — быстро пояснила Раиса Тихоновна, — причем все его наследство делится абсолютно недопустимым образом. Половина имущества сразу отходит супруге. А оставшаяся половина делится между ней и ее несовершеннолетним сыном, которого усыновил мой несчастный брат. Моя племянница могла бы претендовать в лучшем случае на одну треть половины наследства своего отца, если бы была несовершеннолетней. Юристы, к которым она обратилась, считают, что она может вообще ничего не получить. Вот такие издевательские законы.

— Такие законы во многих странах мира, — возразил Дронго. — А вы считаете это несправедливым?

— Конечно. Абсолютно несправедливым. Она прожила с Колей только два года. И за это время стала не только его основной наследницей, но и вынудила его усыновить своего сына при живом отце.

— Я понимаю ваше возмущение, но это был выбор вашего брата.

— Да, разумеется. И я бы не стала так возмущаться. Но слишком вызывающе вела себя его новая супруга. Через несколько дней после его смерти она демонстративно улетела отдыхать куда-то в Европу. Согласитесь, что нужно было хотя бы немного подождать для приличия. Нас это всех очень покорибило.

— Все, что вы сказали, возможно, недопустимо с моральной точки зрения, — признался Дронго, — но я не увидел здесь ничего криминального.

— Сейчас поймете, — убежденно произнесла Раиса Тихоновна. — Дело в том, что у меня есть конкретные доказательства. Это была не обычная смерть. Она убила моего брата, чтобы получить наследство и его имущество. А сейчас снова готова сойтись со своим бывшим мужем. Это была настоящая западня для